

- Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. – М., 2003.
Трегубова Е. Прощание кремлевского диггера. – М., 2004.
Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001.
Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М., 2006.
Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник. – М., 1997. URL: [http:// slovari.gramota.ru](http://slovari.gramota.ru)

А.А. Негрышев

*(Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых)*

РЕФЕРЕНТНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ НОВОСТНОГО МЕДИАТЕКСТА

**(из опыта описания интерпретативности методом
макроструктурного анализа)**

К постановке проблемы. Вопрос о референтной соотнесенности новостного медиатекста на первый взгляд не представляет особых затруднений для медиалингвистики и разрешается «в первом приближении» достаточно ясно: текст новостного жанра максимально «приближен» к действительности и, в отличие от аналитических и публицистических жанров, в большей степени ориентирован на ее *отражение*, нежели на *интерпретацию*. Данная констатация, однако, выглядит несколько упрощенной, если рассматривать новость в более широком контексте, включающем в себя логико-гносеологические, психолингвистические и дискурсивные аспекты.

Так, с точки зрения гносеологии само понятие *факт* (предмет сообщения новости) имеет по меньшей мере два измерения: факт как «реальное событие или результат деятельности» (онтологический аспект) и факт как особый тип эмпирического знания (логико-гносеологический аспект), и эти два понятия не тождественны между собой [Новейший философский словарь 1999: 745]. В лингвистической

семантике и прагматике *факт* описывается через понятие *события* и приобретает вид триады, представленной В.З. Демьянковым следующим образом: «событие как идея» – «собственно событие, или референтное событие» – «текстовое событие» [Демьянков 1983: 321]. Данная триада принимается за основу и в теории журналистики, где, по Г.В. Лазутиной, различаются «факт как независимый от сознания человека «атом действительности» – факт как отражение в сознании данного «атома действительности» – факт как элемент текста, в котором объективируется выработанная сознанием информация об этом «атоме действительности» [Лазутина 2006: 88].

На расхождение «образа события» у журналиста и реципиента указывают также психолингвисты. Например, А.А. Леонтьев разводит понятия *факта* и *события действительности*. События объективны, однако их восприятие и само вычленение из потока действительности зависит от наблюдающего субъекта, для которого они предстают в виде факта: «факт не существует в самой действительности: это результат нашего осмысления или переработки информации о действительности», поэтому «одно и то же событие выступает в форме различных фактов – в зависимости от того, что мы считаем главным, что трактуем как суть события, а что считаем частностью» [Леонтьев 2008: 153–154]. Далее автор подробно описывает причины и механизмы «намеренных и ненамеренных деформаций», возникающих в процессе создания журналистского текста и его восприятия читателем [там же: 153–168]. При этом А.А. Леонтьев отмечает (и это можно отнести в первую очередь к новостному тексту), что «сообщение должно быть построено так, чтобы у реципиента возник образ события, полностью соответствующий образу события, имеющемуся у журналиста. Но это возможно только в идеале. <...> даже сам образ события у журналиста может быть неадекватен подлинному событию» [там же: 164]. Таким образом, даже при максимально беспристрастном освещении одного и того же события разными репортерами реципиент получает лишь одну из «версий происходящего», полная же его картина может быть составлена лишь на основе сопоставления множества «картинок». Добавим к этому, что интерпретативность восприятия действительности давно отмечена психологами (см. например: [Чейф 2001: 5]).

Процитированные работы, равно как и множество других исследований, здесь не упомянутых (см. подробнее обзор в [Негрышев 2009: 16–26]), однозначно свидетельствуют о признании *интерпретативно-*

сти в качестве неотъемлемого свойства текстов СМИ. При этом, как следует из приведенных цитат, речь идет в первую очередь о текстах информационно-новостных жанров, представляющих собой «первичное звено» в системе отношений «действительность – медиакартина мира».

Отсутствие изоморфизма новостного медиатекста объективной действительности, иначе говоря, обусловленность его референтной соотнесенности когнитивной картиной мира и коммуникативными установками субъекта медиакommunikации становится очевидной также при знакомстве с исследовательскими направлениями, непосредственно изучающими новости. Так, в работах западных коммуникативистов и исследователей медиадискурса выявлено достаточно механизмов «дотекстовой» интерпретации, заключающихся в способах отбора, компоновки и преобразования информации, передаваемой в СМИ (см., например, концепцию *новостных имиджей* Д. МакКуэйла, понятия *повестки дня* и *новостной ценности* в работах [Bell 1991], [Fairclough 1995], [Fowler 1991], концепцию *новостного фрейминга* [Землянова 2006] и др.). Интерпретативность новостного медиатекста признана неотъемлемым его свойством и в тех лингвистических концепциях, которые восходят к критической школе анализа дискурса (см., например, обзор в [Йоргенсен, Филипс 2008: 108–162]). Также и в российской медиалингвистике последних лет растет число работ, где новости исследуются в аспекте оценочной семантики (=интерпретативности) (см., например: [Васильева 2009], [Екимова 2009], [Иванова, Сподарец 2010]).

Все вышесказанное позволяет утверждать, что в плане референтной соотнесенности с действительностью **информационно-новостной текст является не менее привлекательным объектом для исследования, чем тексты аналитических и публицистических жанров.** Представляется очевидным, что высказанные множеством исследователей (В.Г. Костомаров, А.Н. Баранов, Г.Я. Солганик, М.Н. Володина, М.Р. Желтухина, Н.И. Клушина, В.Е. Чернявская, Г.А. Копнина, А.А. Данилова и др.) положения об оценочности (интерпретативности, суггестивности, персуазивности) языка СМИ в целом и публицистического текста в частности можно в полной мере отнести и к новостному тексту в его даже самой краткой жанровой разновидности – информационной заметке. Проблема, на наш взгляд, заключается в том, чтобы выработать *методологию лингвистического описания,*

позволяющую эксплицировать механизмы референциальных преобразований в новостях, ибо, в отличие от других жанров, интерпретативность новостного текста максимально имплицитна и закладывается во многом на до- и околотекстовом уровне. Ниже мы попытаемся рассмотреть возможности выявления интерпретативности, оставаясь в рамках самого текста и приняв за основу **метод макроструктурного анализа**, разрабатываемый нами на материале «первичного» жанра новостей – событийной заметки.

Параметры макроструктурной модели новостного текста. Термин *макроструктура*, входящий в категориальный аппарат лингвистики текста и теории дискурса, имеет связующее значение между самими понятиями *текст* и *дискурс*. Принимая концепцию дискурса как речи, «погруженной в жизнь», т.е. речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие [Арутюнова 1990], мы, вслед за Е.С. Кубряковой и другими исследователями, рассматриваем текст как «часть дискурса, его знаковый продукт» (Н. Фэйрклау цит. по [Петрова 2003: 130]), или, другими словами, как *результат* динамического процесса речевой деятельности [Кубрякова 2001; Солганик 2006: 181]. Именно дискурс задает «угол отражения» внеязыковой действительности, определяя тем самым характер референтной соотнесенности текста, а потому выявление референциальных преобразований информации возможно с помощью такой методологии описания, которая отвечает дискурсивным параметрам текста. Одной из таких возможных методологических концепций нам видится модель макроструктуры, представляющая собой своего рода «проекцию» дискурса на лингвостилистическую структуру текста. Опираясь на концепции, предложенные Т. ван Дейком [1989], О.И. Москальской [1981], Фр. Зиммлером [1996], мы определяем **макротекстовую структуру**, или **макроструктуру текста**, как общую схему его формально-содержательной организации, которая задается дискурсом и воплощается в композиционном и лингвостилистическом оформлении текста.

В общем виде мы предлагаем рассматривать макроструктуру текста как совокупность *макротекстовых позиций (МТП)*, релевантных в плане дискурсивного и лингвостилистического аспектов текстообразования. МТП имеют потенциальный характер и приобретают реальное «заполнение» в каждом конкретном тексте. Состав и комбинация позиций определяются типом дискурса, внутри которого порождается текст. Так, для новостного дискурса прессы можно выделить

три основные МТП, включающие в себя ряд субпозиций (подробнее см.: [Негрышев 2011]):

1. *Заголовок↔текст* – отношения между семантической структурой заголовка и фактологической информацией текста.
2. *Композиция*:
 - а) *композиционно-фактуальные отношения* – отражение в композиции текста структуры события;
 - б) *композиционно-логические отношения* – выстраивание внутритекстовых логико-синтаксических связей между фактуальными блоками;
 - в) *композиционно-синтагматические отношения* – последовательность предъявления фактуальных блоков.
3. *Стилистическая перспектива* – характер преобладающих стилистических средств, константность либо вариативность стилистической окраски.

Референциальные типы текстов. Рассмотрим теперь, каким образом данная модель может быть использована применительно к референции новостного текста.

Как было указано ранее, тип референциальной соотнесенности текста определяется «требованиями» дискурса, следовательно, для каждого типа дискурса можно предположить наличие некоторой прототипической модели текста и вариантов ее реализации в практике рече-текстовой деятельности (ср. о *динамической*, или *процессуальной типологии* текста по В.Е. Чернявской [2009: 71–82]). Если исходить из того, что «требование» новостного дискурса – максимальная адекватность текста действительности, то прототипическая модель макроструктуры будет включать в себя те способы заполнения МТП, которые обеспечивают тексту максимальную, насколько возможно, «плотность» референции. И напротив – отклонение от прототипической модели влечет за собой использование тех лингвостилистических средств, которые «сигнализируют» о «рассеянии» референции, уклонении от констатации факта к его интерпретации (обозначим такой тип референции как *диффузная*).

Итак, **прототипической моделью** макроструктуры новостного текста можно считать следующую схему заполнения МТП: 1. *Заголовок↔текст*. Изоморфизм семантической структуры заголовка и текста, отсутствие дополнительных средств модальности в лингви-

стической структуре заголовка. 2. **Композиция:** а) Наличие *композиционно-фактуальных блоков* «событие» (субъект действия + действие) и «обстоятельства события»; б) Преобладание *композиционно-логических отношений* конъюнкции и локально-временной субординации; в) *Синтагматическое разворачивание* по модели «перевернутой пирамиды» – от наиболее значимой информации к деталям. 3. **Стилистическая перспектива.** Константность нейтральной стилистической перспективы, исключаяющей межстилевую интерференцию и любые виды экспрессии.

Попытаемся теперь показать на примере МТП 2 «Композиция», каким образом возможно варьирование в заполнении этой позиции и насколько интерпретационно маркированы те или иные варианты относительно прототипической модели.

Композиционно-фактуальные отношения (субпозиция 2а). Для описания данного типа отношений мы предлагаем использовать понятие *композиционного блока*. **Композиционный блок** – это отрезок текста, содержащий информацию о том или ином компоненте события (факта) – его субъекте, времени и месте, о самом действии, его обстоятельствах и т.п.¹ Традиция выделения такого рода компонентов восходит к ставшей классической работе Т.А. ван Дейка «Структура новостей в прессе», в которой, в частности, выделяются такие композиционные компоненты, как *главный эпизод, причина, условие, мотивация, контекст, история, последствия, результаты, реакции* [Дейк 1989: 245].

Поскольку речь идет о новостных текстах, где условно немаркированной по признаку интерпретативности можно считать интенцию информирования, то собственно фактуальное содержание новости обеспечивает, как нам представляется, блок *главный эпизод (действие и его субъект)*. Обозначим данный тип блока как **ядерный композиционный блок (ЯКБ)**. Фактографическую направленность имеют и такие блоки, как *подробности происходящего и обстоятельства действия*, однако здесь появляется возможность *выбора* тех обстоятельств и деталей, которые по мнению журналиста являются наиболее значимыми и интересными. Такие блоки мы обозначим как **детализирующие (ДКБ)**; в них интерпретативность присутствует, но

¹ Ср. иное понимание композиционных блоков в [Трофимова, Кузнецова 2010: 251–253].

подчиняется фактографии. Прочие же блоки, которые выделяются помимо указанных, связаны не столько с *фактографией* как фиксацией «материальной» составляющей события, сколько непосредственно с *интерпретацией* факта, его *оценкой*. Это такие КБ, как *причина, условия, предыстория, (по)следствие, результат*. Их наполнение зависит от интерпретатора – журналиста и/или издания (агентства), при этом сама интерпретация присутствует в скрытой форме – в подборе дополнительных фактов, цитат, их расположении в тексте и т.п. Обозначим данный тип композиционного блока как **фондовый (ФКБ)**. И, наконец, еще один тип композиционного блока, имеющий широкое распространение в желтой прессе, но встречающийся также и в качественных изданиях, – это *комментарий (комментирующий композиционный блок – ККБ)*. Здесь интерпретация происходящего выходит на эксплицитный уровень и достаточно легко поддается семантическому описанию и типологизации².

Каждый из выделенных блоков имеет свой «набор» типичных моделей, по которым происходит его семантическое заполнение. В рамках настоящей статьи ограничимся лишь примерами заполнения **фондовых композиционных блоков (ФКБ)**, представляющих особый интерес для анализа механизмов скрытой интерпретативности.

Данный тип блока, как было указано выше, вводит в фактографическую информацию элементы смысловой интерпретации. Это достигается путем встраивания основного факта в определенный контекст – событийный и / или идеологический. Содержание этого блока могут составлять: *предыстория события, его причины, следствия и последствия*, а также аналогичные или *смежные факты*.

Причина, следствие и последствия могут быть как *объективными составляющими* основного факта (например, *ураган → сорванные крыши домов и перебои с электроснабжением, массовые выступления граждан → перекрытое движение транспорта* и т.п.), так и результатом осмысления события, когда выбор той или иной причинно-

² Ср. несколько иную классификацию композиционных компонентов в концепции Т.С. Дроняевой [2008: 674], где понятие *композиции* разводится с понятием «структурно-содержательных частей» текста. Автор выделяет в газетном новостном тексте три таких части, соотносимых с композиционно-речевыми формами: *ядерную* (констатация основного факта), *конвенциональную* (обозначение времени, места и источника информации), *комментирующую* (все, что расширяет или оценивает ядерную часть сообщения).

следственной цепочки зависит от «системы координат» отправителя информации. Примерами такого рода вариативного отбора причины / следствия особенно богаты новостные сообщения из области политики, где, например, причина того или иного события может излагаться по-разному в зависимости от социально-политической позиции издания и степени его близости к тем или иным «доверенным источникам» информации.

Сообщения из сферы экономики также не менее показательны в этом аспекте, что можно проследить на примере следующей заметки.

Уровень электропотребления в России превысил прошлогодний на 10% (Независимая газета. 18.08.2010)

Объем электропотребления в России по состоянию на 10 августа превысил уровень 2009 года почти на 10%, сообщил вчера глава Минэнерго Сергей Шматко на заседании правительственной комиссии по обеспечению безопасности электроснабжения. Уровень электропотребления в стране был самым высоким за последние 15 лет. [По словам министра, отечественная электроэнергетика столкнулась с рядом трудностей сначала из-за аномальных холодов, когда 11 регионов превысили исторический максимум электропотребления, затем из-за жаркой погоды летом. В связи с аномальной жарой были приостановлены плановые ремонты сетевого хозяйства].

Содержание фонового блока составляет здесь *причина* события (= состояния дел в сфере энергопотребления). Названная причина не является *объективной составляющей* основного факта, а выглядит как субъективная версия в ряду других возможных причин. Будучи озвученной министром энергетики, данная версия приобретает в глазах реципиента видимость экспертной (= объективной) оценки. Действительно, с одной стороны, министр в силу своих должностных обязанностей максимально компетентен в оценке сообщаемого факта (роста энергопотребления), но с другой стороны, это же должностное положение делает его максимально заинтересованным в том, чтобы защитить корпоративный имидж и интересы своей отрасли от возможных негативных последствий события. Весьма вероятно, что в интерпретации, например, оппозиционной прессы или изданий, нелояльных к Минэнерго, причины роста уровня электропотребления будут названы иные, нежели в версии министра. Можно даже с высокой степенью вероятности предположить, что радикально-оппозиционные издания

могли бы включить данный факт в идеологический интерпретационный контекст, назвав «истинной причиной», например, *развал отрасли в результате либеральных реформ 90-х годов*.

Не меньший интерпретационный потенциал заключает в себе также информация о *(по)следствиях события*, как это видно из следующего примера:

«Северсталь» запускает печь (Ведомости, 17.07.09)

«Северсталь» планирует ввести в эксплуатацию на Череповецком меткомбинате доменную печь № 1 производительностью 1,1 млн т чугуна в год, [что увеличит мощности по производству чугуна предприятия до 7,85–7,90 млн т в год, сообщила компания. Это позволит получить необходимую себестоимость конвертерной стали, пояснил глава дивизиона «Северсталь российская сталь» Анатолий Кручинин].

Здесь, как и в предыдущем тексте, оценка последствий события дается ньюсмейкером – «заинтересованным лицом». Вполне очевидно, что введение новых мощностей должно быть обосновано позитивным бизнес-прогнозом, который и озвучивает глава корпорации. Вместе с тем весьма вероятно, что прогнозируемыми являются также издержки и возможные риски, связанные с запуском новой доменной печи, однако их упоминание привело бы к разрушению «позитивного имиджа» проекта, создаваемого сообщением. Прагматическая интенция *продвижения*, просматривающаяся в данном композиционном блоке и фактически придающая сообщению жанровую тональность пресс-релиза, является типичной для экономического блока новостей ведущих качественных изданий, использующих в качестве ньюсмейкеров сотрудников корпораций и госучреждений.

Еще один способ контекстуального расширения факта за счет ФКБ – экскурс в историю, или *предыстория* события (конфликта, решения, законопроекта и т.п.).

Техосмотр все-таки передадут частникам

(Новые Известия, 8.02.2010)

Минэкономразвития до конца первого квартала 2010 года направит в правительство РФ законопроект о проведении техосмотра автомобилей частными организациями, сообщил в пятницу директор департамента развития малого и среднего предпринимательства Минэкономразвития Андрей Шаров. «Комиссия по безопасности дорожного движения в 2009

году поручила министерству разработать этот законопроект, сейчас он находится на согласовании в ведомствах», – отметил он. По его словам, документ может быть принят уже в этом году. Согласно предложениям МЭР, техосмотр будет проводить не ГИБДД, а аккредитованные частные организации, обладающие необходимым оборудованием и являющиеся членами саморегулируемой организации (СРО). При этом Шаров не уточнил, какое ведомство займется аккредитацией СРО, сообщив лишь, что это будет «уполномоченный орган, который назначит правительство». Предельную стоимость техосмотра будет определять каждый регион самостоятельно. [Предложение о передаче функций техосмотра автомобилей из ГАИ в коммерческие фирмы впервые стало серьезно обсуждаться еще в 2003 году. Позже оно вызвало ряд противоречивых откликов. В частности, противники передачи ТО частным организациям отмечали, что эта функция в большей мере является надзорной, а не технической или коммерческой. Сотрудники ГАИ, по их заверениям, в ходе ТО выявляют криминальные факты, связанные с незаконным оборотом автомобилей, например подложные документы, машины с перебитыми номерами, транспортные средства, находящиеся в розыске].

Здесь, как видим, сообщение предыстории законопроекта о передаче техосмотра частным фирмам звучит скорее как **контраргументация** данной меры. Контраргумент, озвученный не от лица журналиста и не со слов ньюсмейкера, а от имени «противников передачи ТО частным организациям», логически противопоставлен мнению представителя Минэкономразвития, представляющего данный законопроект. Налицо *интерпретационно-аналитическая направленность* данного сообщения, выходящая за пределы только информирования.

Аргументация или контраргументация нередко представлена в фоновом композиционном блоке в виде *дополнительных сведений*, высказываемых «заинтересованными лицами» – участниками события, особенно когда речь идет о продвижении решений, мер, проектов, озвучиваемых для журналистов их разработчиками.

ТСЖ станет больше (Московская правда, 22.01.2010)

В текущем году на территории Юго-Западного административного округа Москвы планируется создать 360 товариществ собственников жилья (ТСЖ), сообщил первый заместитель мэра в правительстве столицы, руководитель комплекса городского хозяйства Петр Бирюков.

¹[«В прошедшем году на территории округа было создано 250 ТСЖ, а в текущем планируется создать 360», – сказал Бирюков на совещании с представителями коммунальных служб ЮЗАО. Он отметил, что сейчас на территории округа действуют 1286 ТСЖ и 3336 ЖСК].

²[«Создание ТСЖ – это важный вопрос и важная задача в нашей деятельности. Когда эта задача была только поставлена перед комплексом, на территории города действовало около 5000 ТСЖ, за несколько лет мы смогли создать еще около пяти тысяч товариществ», – сообщил руководитель столичного стройкомплекса. Он подчеркнул важность вовлечения жителей в процесс управления жилищным фондом города.

«Необходимо понимать, что при создании товариществ собственников жилья мы вовлекаем простого жителя в процесс управления жилищным фондом, в процесс принятия решений, вырабатывая таким образом ответственность у москвичей», – сказал Бирюков].

Первый выделенный блок в высказываниях П. Бирюкова – детализирующий (ДКБ), так как здесь сообщаются исключительно сведения, непосредственно составляющие основной факт (ТСЖ станет больше: в прошедшем году было создано 250, в этом году планируется 360). Второй блок содержит апелляцию к важности создания ТСЖ, их преимуществам и перспективам. Это, по сути, оценка действий с точки зрения их целесообразности, т.е. налицо уже не сообщение подробностей факта, а встраивание его в интерпретационный контекст.

Особый, и наиболее интересный, случай семантического заполнения ФКБ представляет собой **смежный факт**. Рассмотрим следующий пример:

Власти Франции начинают депортацию цыган

(Новая газета. 19.08.2010)

Первая группа из 80-ти человек покинет страну сегодня.

[Правозащитники и левые организации протестуют. В связи с этим пункт отправки партии высланных держится в строгом секрете]. Самолёт с ними приземлится в Бухаресте. Эта депортация проходит впервые после того, как президент Франции Николя Саркози объявил о начале демонтажа незаконных цыганских лагерей.

[Между тем Еврокомиссия призывает французские власти соблюдать нормы свободы передвижения и обустройства граждан Европейского союза]. В ответ на это МИД Франции отметил, что меры по демон-

тажу лагерей и высылке цыган полностью соответствуют международным нормам и не посягают ни на чью свободу. Более того, французское руководство просит помочь людям реадaptироваться. Каждый нелегал, помимо бесплатного билета, получит 300 евро материальной поддержки. Это не первая подобная высылка. Только за прошлый год страну покинуло 10 тысяч цыган.

В общей сложности Франция депортирует в течение месяца около 700 цыган в Румынию и Болгарию.

Выделенные в данном тексте фоновые композиционные блоки сообщают о фактах, не входящих непосредственно в структуру самого события – *депортации цыган из Франции*. Дополнительным предметом сообщения становятся факты *протестов правозащитников и левых организаций*, а также *призывы Еврокомиссии к французским властям соблюдать международно-правовые нормы*. Очевидно, что подбор именно этих смежных фактов обусловлен идеологическими предпочтениями издания, известного своей приверженностью либеральным ценностям (в других изданиях, например, смежные факты, напротив, скорее «оправдывают» Н. Саркози перед лицом правозащитников, сообщая о криминогенной составляющей цыганских поселений во Франции). Тем самым сообщение встраивается в определенный идеологический контекст, приобретая **оценочную окраску**, и средством такой оценки является подбор смежных фактов. Отсутствие лексических и синтаксических средств оценки позволяет сохранить стилистически нейтральный тон изложения, однако макротекстовый анализ обнаруживает **смещение оценки на композиционный уровень**, что придает ей имплицитный характер. Избыточность выделенных ФКБ с точки зрения структуры события можно подтвердить экспериментально: при удалении из описания события этих блоков структурно-семантическая целостность текста не только не нарушается, но, напротив, текст приобретает большую законченность и становится менее интерпретативным.

Итак, *фондовый композиционный блок* описывает не столько сам факт, сколько те «околособытийные» обстоятельства, которые образуют определенный **интерпретационный контекст** и задают некую «точку отсчета» для понимания сообщения реципиентом. Другими словами, фондовый композиционный блок не добавляет каких-либо компонентов в структуру самого новостного события, но **управляет внима-**

нием читателя, акцентируя его на тех аспектах, которые являются релевантными в интерпретации отправителя сообщения.

Говоря в целом о композиционно-фактуальных отношениях, следует отметить их различную интерпретационную нагрузку. Если расположить выделенные выше композиционные блоки на условной оси «плотная референция (констатация) → диффузная референция (интерпретация)», то динамика «нарастания» интерпретативности будет выглядеть следующим образом: ЯКБ → ДКБ → ФКБ → ККБ (ядерный → детализирующий → фоновый → комментирующий композиционные блоки).

Композиционно-логические отношения (субпозиция 2б) предполагают выстраивание внутритекстовых логических связей, которые, по сути, «проецируются» на структуру новостного события, формируя у читателя его ментальный образ.

Богатая традиция изучения логической семантики, сложившаяся в синтаксисе и лингвистике текста, предлагает множество вариантов научного описания логико-семантических отношений (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Адмони, Г.В. Колшанского, В.Г. Гака, Ю.С. Степанова, Е.В. Падучевой, О.И. Москальской, Г.Я. Солганика и др.). В нашем исследовании мы опираемся в первую очередь на те концепции, которые позволяют максимально «компактно» и в то же время наглядно раскрыть сущность композиционно-логических отношений в аспекте интерпретативности.

Наиболее оптимальным нам представляется описание этих отношений в категориях *логических констант* и *лингвистических юнктивов*. «В символической (или математической) логике в качестве таких констант обычно используются *конъюнкция, дизъюнкция, отрицание, импликация, эквиваленция, кванторы общности и существования* и некоторые другие» [Гетманова 1994: 24]. В лингвистике им в определенном смысле соответствует понятие *синтаксической юнкции*, описанное, в частности, О.Л. Каменской следующим образом (курсив наш. – А.Н.): «Наиболее распространенными отношениями между объектами и явлениями окружающего мира являются *аддитивность, альтернативность, противопоставление* и *зависимость (подчинение)*. <...> Различаются следующие виды юнкции: *конъюнкция*, т.е. отношение аддитивности событий; *дизъюнкция*, т.е. выбор одного из событий (объектов); *контраюнкция*, предполагающая противопоставление двух сосуществующих событий; *субординация*, когда одно явле-

ние поставлено в зависимость от другого. Это может быть причинная зависимость, временные отношения, возможность и т.д.» [Каменская 1990: 67]. На наш взгляд, именно использование разных видов логических отношений (*конъюнкции, дизъюнкции, отрицания, импликации* и проч. – в терминах символической логики) и в определенной мере соответствующих им синтаксических юнктивов (*конъюнкции, дизъюнкции, контраюнкции и субординации*) позволяет различным образом структурировать одну и ту же фактологическую информацию, по-разному расставляя акценты на различных ее компонентах.

В несколько упрощенном виде распределение интерпретационного потенциала юнкции между указанными типами можно представить следующим образом: наименее интерпретативна *конъюнкция*, максимально – *контраюнкция*, промежуточное положение занимает *субординация*. Что касается *дизъюнкции*, то как доминантный тип в новостных заметках в нашем материале она не зафиксирована. Минимальная интерпретативность *конъюнкции*, или *аддитивности*, связана с тем, что она в наибольшей степени направлена на *фиксацию, отражение* происходящего, а не на его осмысление. И напротив, *контраюнкция* максимально интерпретативна в силу того, что отношение противопоставления само по себе предполагает аналитическую проработку информации, ее интерпретацию, что не может не влиять на восприятие события реципиентом.

Примером, иллюстрирующим контраюнктивные отношения, может служить разобранный выше текст *Техосмотр все-таки передадут частникам*. Как было показано в анализе данной заметки, информация о нововведениях с техосмотром фактически подвергнута в тексте негативной оценке за счет введения фонового композиционного блока «*предыстория*», семантически противопоставленного сообщаемым мерам.

Контраюнкция в новостном тексте необязательно выражена формальными средствами, такими, например, как союзы *а, но*. Семантическое противопоставление может формально «маскироваться» под concessивные, условные, пояснительные отношения с соответствующими синтаксическими юнктивами. Приведем для примера следующие сообщения:

Несмотря на приток денег, банки не увеличивают кредитование
(Новые Известия. 18.01.2010)

Российские банки в декабре вновь снизили размер кредитного портфеля, несмотря на привлечение рекордных объемов средств во вклады от

физлиц и традиционный для конца года «сезон бюджетополучателей». Об этом в конце прошлой недели сообщил первый зампред ЦБ Геннадий Меликьян. По его словам, кредитный портфель нефинансовому сектору уменьшился на 0,6% в номинальном выражении, физлицам – на 0,5%. По данным Центробанка, кредитное сжатие началось с февраля 2009 года. Именно в это время закончился период управляемой девальвации рубля (официально об этом было объявлено 23 января). Операции на валютном рынке стали намного выгоднее кредитов, и вся ликвидность уходила в более доходные на тот момент операции.

Детсадовские деньги (АиФ. 2009. № 27)

Госдума приняла закон о компенсации части платы за содержание детей не только в государственных, но и в частных садиках. За первого ребенка вернут 20% от стоимости, за второго – 50%, за третьего – 70%. Вот только высчитывать эту самую стоимость будут по «среднему показателю», который, конечно, окажется гораздо ниже реальной платы за частный садик.

В обоих текстах основу логической структуры составляет контраюнкция: в первом – «рекордный приток денег», но «кредитование не увеличено», во втором – «часть платы будет компенсироваться», но «ее расчет будет не в пользу частных детсадов». Противительные отношения, однако, оформляются в этих заметках по-разному: в первой заметке они выражены в уступительной синтаксической связи, во второй – в пояснительных отношениях между третьим и предыдущими двумя предложениями.

Относительно логических отношений **субординации** как зависимости одного явления от другого в новостных жанрах наблюдается следующее. Большая часть ее разновидностей имплицирована, как и дизъюнкция, в аддитивность и контраюнкцию: временные, пространственные, уступительные отношения, цель, условие и др. Самостоятельным статусом в новостях обладают, по-видимому, только причинно-следственные отношения, поэтому наиболее применимо здесь понятие *каузации*, или *каузативной субординации*. Примеры, рассмотренные выше в разделе о фоновых композиционных блоках, достаточно иллюстративны и для каузативных отношений, ср: *Уровень электропотребления в России превысил прошлогодний на 10%* (Независимая газета. 18.08.2010); *«Северсталь» запускает печь* (Ведомости.

17.07.09). Анализ данных примеров также показал, что само по себе изложение причины и (по)следствия потенциально несет интерпретативно-оценочную нагрузку, интенсивность которой, однако, уступает отношениям контраюнкции.

Итак, композиционно-логические отношения как способ семантической организации текстовой макроструктуры могут выступать как прием интерпретации действительности даже при максимальной насыщенности новостного текста собственно фактологической информацией. Динамика усиления интерпретативности на оси «плотная референция (констатация) → диффузная референция (интерпретация)» выглядит как конъюнкция → субординация → контраюнкция.

Композиционно-синтагматические отношения (субпозиция 2в) формируются в линейной перспективе развертывания текстовой информации. Важность синтагматических отношений в части интерпретации обусловлена следующими факторами. В первую очередь, последовательность предъявления композиционных блоков важна с точки зрения восприятия текста и выполняет тем самым прагматическую функцию управления пониманием. Кроме того, как известно из лингвистики текста, в так называемых *сильных позициях* начала и конца текста информация обладает наибольшей воздействующей силой, а следовательно, за счет использования сильных позиций возможно композиционное усиление либо ослабление тех компонентов информации, которые представляются отправителю наиболее значимыми. Из этого следует, что прагматически обусловленное «распределение» коммуникативной нагрузки в линейной последовательности текста отражает ту или иную расстановку акцентов на различных «фрагментах» картины события, задающую определенное направление для интерпретации этой картины читателем.

Как известно, в новостном дискурсе в сильную текстовую позицию выдвигаются те компоненты события, которые передают именно *новое*, т.е. само действие (процесс, изменение ситуации), произошедшее в объективной реальности. Затем в синтагматической последовательности текста «ожидаются» детали, предыстория, контекст и т.п., связанные с новостным событием. Такая линейная последовательность известна в теории и практике журналистики как принцип *перевернутой пирамиды* – «вся самая ценная и важная информация сообщается в начале текста, а по мере развертывания текста информационная нагрузка ослабевает» [Добросклонская 2000: 76].

Следовательно, композиционно-синтагматические отношения по типу *перевернутой пирамиды* можно считать **интерпретационно немаркированным вариантом** – стандартом объективно-нейтрального новостного сообщения. И напротив, помещение в сильную позицию иных, нежели основной факт, семантических компонентов ведет к усилению интерпретационной «составляющей» сообщения, что делает такую последовательность интерпретационно маркированной.

Самым распространенным приемом такой трансформации является вынесение в лид или (в случае его отсутствия) в начало текста информации, не являющейся, строго говоря, *основным* новостным фактом. Так, в сильную позицию начала текста могут выдвигаться разные виды комментария, например, в виде обобщающего суждения:

Взяли банк (АиФ. 2009. № 28)

[Нападения на инкассаторов происходят каждую неделю. Только-только поймали «оборотня» Шурмана, отбившего у своих же коллег 250 млн. руб.,] как в Подмосковье добычей вооруженных бандитов стали 2,5 млн. руб.

Акцентуация частотности сообщаемого типа события в первом предложении, составляющего с первой частью следующего предложения композиционный блок «предыстория», создает явный оценочный фон основного события, сообщение о котором занимает лишь третью часть всего текста. Варианты интерпретации могут быть самыми разными, но направление, смысловой контекст – вполне очевидны: разгул преступности, ее интенсивность (*нападения ... каждую неделю; только-только поймали..., как ...*), крупный размер ущерба (*250 млн. руб., 2,5 млн. руб.*), криминализация правоохранительных органов («оборотень»).

Из той же категории «неосновного факта» – заполнение сильной позиции начала текста в следующем сообщении:

Иранские аятоллы могут спокойно спать до лета

(Газета. 22.03.2010)

[Иран может спокойно продолжать свою ядерную программу как минимум до июля, до этого срока санкции ООН ему не грозят]. Такой вывод американские аналитики сделали из слов российского премьер-министра Владимира Путина, сказанных накануне в ходе его переговоров с

госсекретарем США Хиллари Клинтон, побывавшей в четверг и пятницу в Москве. "Санкции России против Ирана возможны при условии, что они не будут иметь контрпродуктивных последствий", – заявил заместитель руководителя аппарата правительства Юрий Ушаков сразу после беседы Путина и Клинтон, которая завершилась поздно вечером в пятницу.

Первое предложение представляет собой, по сути, вывод – гипотетическое (по)следствие, вытекающее из основного факта и повторяющее в развернутом виде содержание заголовка. Следует, однако, заметить, что вывод этот сделан не автором текста, а американскими аналитиками со слов российского премьер-министра. Тем не менее это не снижает его интерпретационной нагрузки, а скорее, даже усиливает ее за счет авторитетности «источника» информации.

Рассмотренные способы варьирования композиционно-синтагматической последовательности текста можно обозначить как **смещение композиционных блоков**. Другим способом использования композиционно-синтагматических отношений для интерпретативной подачи факта является так называемая **жанровая**, или **межстилевая интерференция**. Явление это хорошо известно исследователям новостей и зафиксировано в целом ряде вариативных терминов, таких как *развлекательная формула* новостного печатного текста [Potter 2001: 91, цит. по Чичерина 2008: 119], *беллетризованное изложение факта* или *конструирование из конкретного события «своего» сюжета* как разновидность *игрового «декорирования»* новостного дискурса [Сметанина 1999], *сторителлинг*, *новостная история* или *нарративный текст* [Самарцев 2009: 317–320], в более широкой перспективе лингвистики текста – *монтаж текстотипов* или *интертекстуальное использование типов текста* [Чернявская 2006: 63–66]. В части композиции здесь происходит нарушение не только последовательности композиционных блоков новостного сообщения, но и самой логики подачи новостей, которая подчиняется уже не столько факту, сколько авторской его интерпретации. Если в предыдущих случаях смещение акцентов в подаче информации наблюдалось более в направлении аналитических жанров, то здесь налицо тяготение к жанрам публицистическим, требующим от автора не только ясной личной позиции в отношении сообщаемого, но и высокопрофессионального владения выразительными средствами языка, позволяющими облечь «сухую» объективированную

информацию в образную художественную форму, не потеряв при этом ее предметно-событийного содержания. Рассмотрим это на следующем примере:

Знай наших! (Мир новостей. 7.07.2009)

После подписания с коллегой Ильхамом Алиевым документа о покупке азербайджанского газа Дмитрий Медведев сиял от счастья. В кои веки удалось переиграть Запад на углеводородном фронте. Правда, вынуждены были предложить Баку рекордную цену – \$350 за тысячу кубометров. Зато достигнутые договоренности обесмыслили проект газопровода Nabucco, при помощи которого ЕС надеялся уменьшить зависимость от российских поставок. Расчет делался как раз на азербайджанский газ. В итоге даже подписание межправительственного соглашения о строительстве Nabucco перенесли на более поздний срок.

Георгий Палашевский

Сообщение здесь разворачивается по нарративной схеме повествования: экспозиция-зарисовка, заинтриговывающая читателя внешними деталями поведения Дмитрия Медведева (*сиял от счастья*), далее – сообщение причин такого поведения (*удалось переиграть Запад*) и затем – подробности геополитической «игры» вокруг поставок углеводородов в Европу, включая цену, которую пришлось заплатить за «тактический выигрыш» в истории с газопроводом *Nabucco*. Семантическая акцентуация осуществляется здесь на оценке, а не на самом факте, другими словами, модус сообщения смещается с беспристрастного информирования на иронично-развлекательную подачу события, с фактографии на интерпретацию. И одним из основных средств такого смещения выступает, наряду со стилистическим тонированием, изменение структуры композиционно-синтагматических отношений.

Итак, усиление интерпретационной маркированности на уровне композиционно-синтагматических отношений наблюдается в направлении от «перевернутой пирамиды» к смещению композиционных блоков и далее – к интерферентным структурам.

Резюме. В обобщенном виде соотношение выделенных способов заполнения МТП 2 «Композиция» с типами текстовой референции можно представить следующим образом:

ЯКБ	ДКБ	ФКБ	ККБ
Конъюнкция	Субординация		Контраюнкция
«Перевернутая пирамида»	Смещение КБ		Интерферентные структуры
—————→			
Плотная референция (констатация)			Диффузная референция (интерпретация)

Данную схему можно рассматривать как своего рода *матрицу* для определения степени соответствия новостного текста прототипической макротекстовой модели на уровне композиции. Эта матрица, в свою очередь, входит составной частью в общую матрицу макротекстовой структуры, включающую в себя и другие макротекстовые позиции. Анализ новостного текста путем «наложения» данной матрицы на его лингвостилистическую структуру позволяет выявить степень интерпретативности текста, иными словами – характер его референтной соотнесенности. Перспективной задачей представляется квантификация предложенной модели, а также построение типологии текстов по критерию их референтной соотнесенности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 137.
- Васильева Л.В. Языковые способы реализации категории модальности в новостном дискурсе американской прессы (диахронический аспект) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2009. – Т. 15. – № 4. – С. 106–110.
- Гетманова А.Д. Учебник по логике. – М., 1994.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 42. – № 4. – С. 320–329.
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М., 2000.

Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 673–690.

Екимова О.А. Авторское начало новостного текста (на материале британской и русской прессы) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2009. – № 52. – С. 32–36.

Землянова Л.М. Медиадискурсы и новостные фрейминги: (исследования современных зарубежных коммуникативистов) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 8–19.

Иванова С.В., Сподарец О.О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 71–75.

Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: мат-лы научной конференции. – М., 1997. – С. 15–25.

Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов. – М., 2006.

Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 146–169.

Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.

Негрышев А.А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: учеб. пособие. – Владимир, 2009.

Негрышев А.А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2011. – С. 85–97.

Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998.

Петрова Н. В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: Очерки теории и практики. – М., 2009.

Сметанина С.И. Форсированная информация: приемы интерпретации новостей в СМИ // Речевая коммуникация: секреты успеха. – М., 1999. – С. 42–43.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М., 2006.

Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ: учеб. пособие. – М., 2010.

Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М., 2001. – С. 3–41.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М., 2009.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М., 2006.

Чичерина Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. – М., 2008.

Bell A.A. The Language of News Media. – Oxford, 1991.

Fairclough N. Media Discourse. – L., 1995.

Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – L.; N. Y., 1991.

Potter W. J. Media Literacy. – L., 2001.

Simmler Franz. Teil und Ganzes in Texten. Zum Verhältnis von Textexemplar, Textteilen, Teiltexten, Textauszügen und Makrostrukturen // Daphnis. – 1996. – 25. – S. 597–625.

Н.Н. Панченко

(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

ДОСТОВЕРНОСТЬ МЕДИАИНФОРМАЦИИ

Сегодня нельзя не признавать доминирующее влияние средств массовых коммуникаций на реальную жизнь, на формирование языковой политики социума, как нельзя игнорировать мощное воздействие информации на поведение и мировоззрение массовой аудитории в целом и каждого индивида. Медиатексты, занимающие господствующую позицию и безраздельно властвующие в коммуникативно-информационном пространстве общества, заслуживают пристального лингвистического внимания с точки зрения их интерпретации и критического осмысления, анализа механизмов идеологического воздействия на массового потребителя, достоверности информации. Оценка информации